

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4.051

Барсукова Татьяна Ивановна, Максимов Владимир Юрьевич**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
И ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Авторы предлагают использовать при анализе состояния конкретного государства такие его характеристики, как социально-экономическая формация, государственная идеология и социально-политическая практика. Предпринимается попытка охарактеризовать с данных позиций современное состояние Российской Федерации.

Ключевые слова: *формация, цивилизация, капитализм, коммунизм, либерализм, социализм.*

Tatyana Barsukova, Vladimir Maksimov**ON THE ISSUE OF SOCIO-ECONOMIC AND IDEOLOGICAL-POLITICAL
POSITIONING OF THE MODERN RUSSIA**

The authors propose to use in analyzing the state of a particular state, such characteristics as the socio-economic system, political ideology and socio-political practice. An attempt is made to characterize these positions with the current state of the Russian Federation.

Key words: *formation, civilization, capitalism, communism, liberalism, socialism.*

Происходящие политические, экономические, идеологические сдвиги, связанные с коренным изменением положения и роли России в мире, делают, на наш взгляд, как никогда актуальным вопрос о самоидентификации нашей страны, неоправданно затянувшейся на два с лишним десятилетия. В связи с этим целью настоящей статьи является позиционирование Российской Федерации как наследницы Российской империи и Советского Союза в двух системах оценки: социально-экономического развития страны и идеолого-политического выбора ее государства.

В дискурсе о путях развития постсоветской России видится основополагающим ставшее достаточно общим местом представление об изменении ее социально-экономического уклада «от социализма к капитализму». Такая постановка исходного тезиса позиционирует авторов как сторонников первой из двух основных парадигм общественного развития – линейного (чаще всего, формационного) и циклического (цивилизационного), противостояние которых уже около полутора столетий наблюдается в сфере гуманитарных наук. Причины такого предпочтения, как представляется, не являются следствием лишь воспитания авторов в русле прежней, официальной марксистско-ленинской идеологии, которая, как известно, была основана на учении о поступательном развитии всей мировой цивилизации и отдельных сообществ, сопровождающемся прохождением ими строго определенной последовательности т. н. «общественно-экономических формаций».

Действительно, возрожденная на постсоветском научном пространстве цивилизационная картина мира [1], при всей ее теоретической «размытости», не позволяет определить иной картины движения какого-либо общества или государства, кроме замкнутого, циклического, изначально апокалипсического развития от рождения к смерти. При принятии данной парадигмы остаются жизненно важные для любой цивилизации вопросы (например, на интересующем нас национально-этническом уровне понимания этого термина). Какова продолжительность жизни «средней», типичной цивилизации? На каком этапе развития находится конкретная цивилизация в конкретный период своего су-

ществования? Каков инструментарий выявления данного этапа? и т.д. Но самое главное – данная парадигма акцентирует внимание лишь на отдельных, социально-гуманитарных (культурных, ментальных и т. п.) характеристиках общества, но почти не затрагивает ее социально-экономической стороны. Однако рассмотрение последней представляется не менее, если не более, важным в условиях современного государственного (а не какого-либо иного – этнического, конфессионального, культурного и т. д.) устройства мира, до сих пор в своей материальной составляющей базирующегося на национальных экономиках. Не умаляя, с одной стороны, достоинств цивилизационной парадигмы и не отрицая существования недостатков формационной, в настоящей статье мы остаемся в рамках последней.

В настоящее время термин «социализм» (очевидно, в силу своей чрезвычайной востребованности на протяжении, по крайней мере, XIX и XX веков) представляет собой достаточно многозначное понятие. Он определяется в трех основных значениях: 1) как идейное, политическое учение, 2) как общественно-политическое движение, 3) как социальный строй, уклад общества [10]. Очевидно, в приведенной в начале статьи фразе термин «социализм» употребляется в третьем значении: в качестве обозначения определенного исторического периода в развитии страны, ее некой базовой, коренной характеристики, или – находясь в рамках парадигмы К. Маркса – ее формации.

Среди всех учений об этапах поступательного, прогрессивного общественного развития, кроме теорий Л. Моргана (выделение эпох дикости, варварства и цивилизации) и Д. Белла (доаграрная, аграрная, индустриальная, постиндустриальная стадии) [3], наиболее заслуженным по праву считается учение К. Маркса об общественно-экономических формациях (строе первобытнообщинном, рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и коммунизме). Как известно, в исторически последней, коммунистической, формации Маркс выделял две стадии: низшую и высшую, объясняя это неизбежностью, хотя и краткого, но необходимого переходного этапа от капитализма к совершенно новому строю [5]. С другой стороны, следует вспомнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс всегда считали себя именно «коммунистами», почти до конца жизни находясь в состоянии идеологической борьбы с возникшим незадолго до этого экономическим и политическим течением т. н. «социализма». Последний, начиная с 1-й трети XIX в., существовал как в целом достаточно легальное общественное движение за улучшение жизни трудящегося населения в первую очередь европейских стран [11]. В качестве такового (уже в общемировых масштабах) оно присутствует и, очевидно, долгое время будет выступать и на современной политической арене.

И только последователи К. Маркса (в первую очередь В. Ленин), пытаясь приспособить его теорию к реалиям России начала XX в., стали называть предложенную их учителем первую, переходную стадию коммунистического общества «социализмом». Более 70 лет эта точка зрения находилась в основе идеологии нового государства, построенного на территории бывшей императорской России.

С территориальной точки зрения большевики просто наследовали императорскую Россию, по возможности, сохранив Россию имперскую. Однако до сих пор остается не до конца проясненным другой, гораздо более важный вопрос: какое же все-таки государство (с точки зрения формационного учения) существовало весь этот период на территории нашей страны? Существует порядка десятка ответов на него, основные из которых следующие: 1) согласно ортодоксальному учению Маркса – Энгельса, никакого социализма как строя нет, поэтому спор о нем как об общественно-экономической формации бессмыслен, а в Советском Союзе был введен коммунизм; 2) социализм – действительно «низшая ступень коммунизма», и он был построен в первую очередь в СССР; 3) в постимператорской России произошел возврат к ее традиционному феодализму; 4) Советский Союз, несмотря на революционную идеологию, был вынужден строить реальный капитализм; 5) при Советской власти в нашей стране сложилась деспотия по азиатскому типу.

Рассмотрим прежде всего вопрос о том, возможно ли было создание нового, более прогрессивного по отношению к капитализму, общества в России начала (середины, второй половины) прошлого века. Критики официальной коммунистической доктрины – как во времена Советской власти, так

и после нее – доказывали невозможность построения никакой стадии коммунистического общества в России XX в. по двум основным причинам. Во-первых, в силу несформированности в России начала века социально-экономических условий для перехода от капитализма к формации более высокого уровня. Во-вторых, по причине недоказанности, умозрительности самой коммунистической формации, достичь которой не получилось ни у одного – даже самого развитого – государства, да и вряд ли когда-нибудь получится. Однако, с другой стороны, общепризнанно, что в Советской России были уничтожены капиталистические общественные отношения, один социально-экономический уклад был сменен другим. Если принять за условие, что любое общество развивается поступательно, становится неясно, в какой же тогда формации находилось наше государство в течение большей части прошлого века. За этим же вопросом следует очередной, уже сегодняшнего дня: если в начале 1990-х годов в России произошла социальная (даже социально-экономическая) революция, то, что это была за революция и начало какой общественно-экономической формации она знаменовала?

Как было отмечено в начале статьи, уже не вызывает сомнений, что сегодня в нашей стране происходит построение капитализма. Из этого следует, что, во-первых, произошедшая более 20 лет назад революция была, очевидно, капиталистической (буржуазной), а во-вторых, что в отношении предшествующего строя возможны два противонаправленных по сути варианта. Первый: с точки зрения ортодоксальных коммунистов, революция 1990-х была «контрреволюционной», возвращающей российское общество на более раннюю стадию развития относительно уже достигнутой, «почти коммунистической». Второй: построенная в советское время социально-экономическая организация была не более, а менее совершенной, чем капитализм. (В принципе, возможен и еще один, правда, умозрительный вариант: революция была, по сути, элитарным переворотом, не затронула социально-экономических основ общества, и новая Россия, как и при прежнем, советском, режиме продолжает строить капитализм).

Очевидно, мы не ответим на вопрос о формационной сути Советского государства без хотя краткого анализа того строя, на смену которому оно пришло. Историография советского периода рисовала в основном следующую картину: Русь практически избежала стадии рабовладения (это объяснялось тем, что данная эпоха в силу неких культурно-исторических причин может быть «свернута» в истории отдельных стран, к числу которых наша страна счастливо и принадлежала); феодальная стадия затянулась в России примерно на тысячу лет (что, в принципе, нормально), до второй половины XIX в.; с конца XIX в. в стране начали активно развиваться капиталистические общественные отношения, которые за несколько десятилетий достигли такого уровня, что стал возможным переход на новую, более высокую стадию развития. Однако в силу все-таки признанной даже большевиками слаборазвитости страны, быстро ввести в ней коммунизм в 20-е годы прошлого века не удалось, поэтому был выдвинут тезис о более-менее длительном (на несколько десятков лет) переходном периоде – т. н. «социализме» [2]. К концу же века все назначенные советскими идеологами сроки [4] прошли, но коммунизм – ни окончательный, ни даже «в основе» – так и не был построен, более того, даже «социалистическая» его стадия потерпела крах. Что же пошло «не так»?

Опыт европейских стран, для которых и была в первую очередь предназначена марксистская теория, свидетельствует о том, что даже при действии закона ускорения общественного развития, каждая общественно-экономическая формация в любой стране неизбежно занимает весьма длительный исторический период – от нескольких тысячелетий до нескольких веков. Последний – капиталистический – этап начался в Европе не одновременно (в наиболее передовой стране позднего Средневековья Англии он стал зарождаться, как известно, еще в XVI в.), но в целом эпоха буржуазных революций наступила в этой части света в середине XIX в. Капитализм в Европе, видоизменяясь, пережил все общественные катаклизмы начала, середины и конца XX века и успешно существует до сих пор. Известно также, что в некоторых наиболее богатых и благополучных европейских странах Скандинавии и, видимо, в Германии произошел переход к «социализму», точнее – построено «социальное государство», что во второй половине прошлого века признавали даже первые лица Советского Союза. Тем не менее по своему, по крайней мере, экономическому строю эти общества остаются капиталистическими.

Получается, что, во-первых, «социализм» возможен при капитализме (что никак не укладывается в марксистско-ленинскую теорию), а во-вторых, капитализм – длительная, приспособляющаяся к меняющимся условиям формация, окончания или даже заката которой в ближайшем будущем не предвидится. Вся история трех последних веков свидетельствует о том, что капиталистический общественно-экономический строй, зародившись в Европе, продолжает в той или иной национальной форме распространяться по всему миру, охватывая страны, традиционно считавшиеся «азиатскими», т. е. не приспособленными к воплощению формационной теории.

Россия как страна, на протяжении многих веков принадлежавшая в основном к европейской цивилизации, в силу ряда исторических причин была ее слабым звеном. Вопреки советской идеологии, рабовладение в России не только не отсутствовало, но приобрело более уродливые, чем в других странах, устойчивые, даже можно сказать национальные формы, и в виде крепостного права институционально существовало во все время российского феодального строя, до середины XIX века. В силу российских особенностей рабовладение было на тысячу лет «законсервировано» в ее общественном строе, и даже ко времени возникновения в стране новых, капиталистических отношений, господствовавшую в ней еще в середине XIX в. общественно-экономическую формацию можно охарактеризовать как феодализм с элементами рабовладения. Отмена крепостного права была призвана не только реформировать феодальные, но и окончательно разрушить рабовладельческие отношения и одновременно вкупе с другими реформами положила начало активному развитию в России капитализма. К началу XX в. успехи российского капитализма были уже очевидны, однако он был еще относительно слабо развит, его продвижение тормозилось архаичным государственным устройством, и страна по многим характеристикам продолжала отставать от развитых европейских государств, по крайней мере, на полвека.

Согласно теории К. Маркса, переход к новой, высшей формации должен был произойти в наиболее развитых странах мира (по первоначальному расчету, в Англии). Для России возникновение подобной возможности означало многие десятилетия, если не века, постепенного развития и ожидания. Однако российские революционеры не хотели ждать и, «модернизовав» теорию своего учителя, заявили о возможности коммунистической революции не в наиболее зрелой, а в слабейшей капиталистической стране. Спустя полвека после начала исторически быстрого развития капиталистических отношений, при назревшей невозможности дальнейшего хода этого процесса в условиях неприспособленной к изменениям императорской власти в России произошла буржуазная (капиталистическая) революция в феврале 1917 г. При нормальном ходе событий за этим должен был последовать долгий (повторим, возможно, многовековой) период свободного развития капиталистической формации. Однако в том же году октябрьская революция «закрывает» только что «открытый» российский капитализм.

Социально-экономическими характеристиками нового строя, как представляется, были: 1) жесткая централизация власти – вплоть до единоличного деспотического правления; 2) четкое, узаконенное, потомственное классово-сословное разделение общества на рабочих, крестьян и некоторые другие слои населения; 3) создание особого «квазирыцарского» социального сословия – партийного «ордена меченосцев»; 4) отмена частной собственности в первую очередь на средства производства (провозглашение ее поначалу общественной, а затем государственной); 5) передача основной массы имущества в управление, а фактически в собственность узкому классу партийно-бюрократической элиты; 6) свертывание (первоначально – отмена, впоследствии – существенное ограничение) товарно-денежных отношений; 7) законодательно утвержденное, по крайней мере, в течение первых 30–40 лет прикрепление основной трудящейся массы населения к обслуживаемым ими средствам производства (крестьян – к земле, рабочих – к заводам); 8) государственное присвоение большей части результатов их труда.

Поскольку экономика страны была малоэффективна и, как правило, неконкурентоспособна, даже при условии закабаления и низкой оплаты труда основной части населения она была вынуждена использовать неоплачиваемый, чаще всего во всех отношениях рабский труд: уголовно осужденных,

административно наказанных, спецпереселенцев, военнотружущих и т. п. категорий людей [8]. С некоторыми модификациями (например, к концу «социализма» произошли послабления в отношении свобод большей части населения) эта система просуществовала до своего краха в 1980–1990-х годах прошлого века.

Данная выше характеристика со всей очевидностью свидетельствует, что советский период был периодом возврата нашей страны к предыдущему, в целом феодальному (по азиатскому типу) укладу общественно-экономической жизни, а октябрьская революция 1917 г. была по своему направлению контрреволюционной. Более того, Россия после прихода к власти большевиков фактически была отброшена на полвека назад, в свое дореформенное состояние середины XIX в., а общественно-экономическую формацию советского периода вполне можно назвать реставрированным, по сути, монархическим феодализмом с элементами рабовладения и восточной деспотии. Сегодня, по прошествии двух с лишним десятилетий после ухода прежнего режима, в исторической ретроспективе эпоха большей части XX века в нашей стране все более выглядит как последняя и одна из самых кровавых попыток сохранения не только Российской империи, но и присущего ей феодального общественно-экономического строя, а ставший, по сути, символом уходящей советской эпохи И. Сталин – как всего лишь один из российских царей (наряду с однопорядковыми ему тиранами – Иваном IV и Петром I) [7].

Что же касается социалистического общественно-политического движения, то после разгрома и запрета в СССР 1920-х гг. последних не только оппозиционных, но и каких-либо иных, кроме ВКП(б), партий, социалистическое движение надолго было предано советской идеологией анафеме как оппортунистическое и пробуржуазное. Парадоксально, но в стране т. н. «победившего социализма» всегда с недоверием относились к мировому движению Социал-демократов, а термин «социал-демократ» был идеологическим ругательством. Поэтому и в этом смысле говорить о существовании в Советском Союзе «социализма», очевидно, не приходится.

Наконец, рассмотрим третье (а по времени возникновения – первое) значение понятия «социализм» как совокупности идей, а также воплощения их в социальной практике государства. Как известно, слово происходит от лат. *socialis* – общественный – и в этом смысле обозначает учения, выдвигающие в качестве идеала создание справедливого общества, построенного на принципе социального равенства.

Соблазнительная, «светлая» идея равенства сопровождала неравное человеческое сообщество едва ли не со времен его возникновения, а традиция ее теоретического обоснования идет, очевидно, еще от Платона. Необходимо заметить, что за все прошедшее с тех пор время предпринимались многочисленные попытки создать реальное общество хотя бы приблизительного, частичного социального равенства: можно вспомнить и греческие демократии, и теократию Савонаролы, и другие исторические примеры [6]. Они показывают, что в принципе социализм как общество достаточно одинаковой жизни людей, отсутствия очевидной эксплуатации, примерно равного распределения благ можно (в удобной исторической обстановке и на незначительный период времени) создать (точнее, учредить) и при капитализме, и при феодализме, и в условиях рабовладельческого строя и, наверное, в любой стране. Дело в том, что идея социализма как равенства в распределении и потреблении материальных и духовных благ, достаточно одинакового существования членов общества, хотя и вызывает естественный вопрос о создании и принадлежности этих благ, вовсе не должна отвечать на него однозначно: например, уничтожением частной собственности и обобществлением средств производства. В условиях социализма под контролем общества в принципе должно находиться распределение дохода и, может быть, его производство.

Мы указали, что в основе идеала всеобщего равенства лежала еще более фундаментальная идея справедливости. Всякая власть – от демократий до тираний – объявляла себя справедливой и, следовательно, не подлежащей замене. Другое дело, что справедливость – понятие, трактуемое весьма разнообразно: можно вспомнить хотя бы аристотелевскую уравнивающую и распределительную

формы справедливости. Без сомнения, учение о социализме является воплощением уравнивающей формы, при которой любой член общества должен получать примерно одинаковое количество благ – в соответствии с приблизительно равными потребностями любого человека как представителя одного живого вида. Справедливость же распределительная акцентирует внимание не на сходство, а на различия людей между собой, что тоже верно, но тоже лишь отчасти. На протяжении многих веков и тысячелетий революционным идеям построения общества справедливости на основе равенства противостояла официальная идеология справедливости в форме неравенства на земле и, в лучшем случае, равенства на небе. Земная сословность была освящена высшим, божественным законом. И лишь с наступлением Нового времени, с развитием капиталистических общественных отношений, секуляризации общества идея распределительной справедливости, по нашему мнению, «спускается с небес на землю» и трансформируется в идеологию либерализма. Согласно ей, все люди равны и на земле, но лишь изначально, в своих возможностях («правах»), а раскрытие и проявление их, пользование своими «естественными» правами – дело каждого отдельного человека. Как известно, практически во всех современных капиталистических странах господствует именно данная идеология. Тем не менее теория и практика социализма пережила в XX веке свой ренессанс и с переменным успехом конкурирует с либерализмом во всем мире и сегодня [9].

Таким образом, одним итогом настоящей статьи является вывод о существующей на протяжении нескольких последних столетий глобальной антитезе двух мировых идеологий и социальных политик – либерализма и социализма, причем последний мы рассматриваем именно в таком аспекте. Вторым итогом выступает утверждение о некорректности характеристики современного периода развития российского общества и государства как перехода «от социализма к капитализму». В данной формуле, на наш взгляд, допускается смешение двух процессов, характеризующих две различные (хотя и взаимосвязанные) сферы жизни общества – социально-экономическую и идеолого-политическую. По нашему мнению, речь должна идти об изменении: 1) российской общественно-экономической формации от преимущественно феодальной к по преимуществу капиталистической; 2) отечественной идеологии и внутренней государственной политики от советского социализма к западному (по крайней мере, до последнего времени) либерализму.

Кроме прочего, представляется, что эти фундаментальные характеристики должны учитываться при оценке состояния современного российского общества – наравне с такими основами государства, как форма территориального устройства, форма правления и политический режим.

Литература

1. Афанасьев В. В., Качура Г. Н. Циклы цивилизаций. М.: Канон+, 2010.
2. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1975.
3. Кравченко А. И. Социальная антропология. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.
4. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Сборник произведений В. И. Ленина. М.: Политиздат, 1974. С. 412–426.
5. Маркс К. Критика Готской программы. М.: Политиздат, 1980.
6. Никонов А. П. Свобода от равенства и братства. М.: ЭНАС; СПб.: Питер Пресс, 2008.
7. Никонов А. П. За фасадом империи. М.: ЭНАС, 2012.
8. Сванидзе М., Сванидзе Н. Исторические хроники с Николаем Сванидзе. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский до «Амфора»», 2014.
9. Современные глобальные проблемы / отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010.
10. Социализм // ru.wikipedia.org.
11. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // agitclub.ru